

Из воспоминаний бывшей заключенной МЕДВЕДЕВОЙ Л.И. о начальнике Томского горотдела НКВД ОВЧИННИКОВЕ И.В.

май 1989 г. г. Томск

В архивно-следственном деле этой организации, которое хранится в архиве УФСБ Томской области, действительно имеется такая фотография.

Мы проживали в г. Прокопьевске в 30-е годы. Я была замужем. Мой муж работал главным инженером шахты "Черная гора", а я секретарем-машинисткой в Прокопьевском ГО НКВД у начальника городского отдела Овчинникова Ивана Васильевича. В отделе мы жили дружно, весело, праздники встречали вместе. Овчинников веселый был, красивый, высокий. Обычно он был заводилой. Мы с мужем любили друг друга, семья у нас была хорошая, крепкая. А Овчинникова в Прокопьевск перевели из Новосибирского ОГПУ. До него начальником ГО НКВД Прокопьевска был Бибрикаркле, он был очень порядочный человек, совместные праздничные встречи начали при нем, а при Овчинникове продолжили.

В 1936 году мой муж и почти вся техническая и нетехническая интеллигенция города была арестована. Все, и в одну ночь. Арестовал Прокопьевский ГО НКВД. Семьи всех арестованных выселили, я ушла жить к отцу, он был директором банка в Прокопьевске, а арестовали в первую очередь руководство и техперсонал прокопьевских шахт. С мужем я прожила 1 год и 2 месяца. [...]

Овчинников стал добиваться моей любви, я была молодая и красивая, я сама так считала и другие мне говорили, не то, что сейчас, что с красотой моей стало. Моя красота оказалась моим горем, всю жизнь мою сломала. Правильно говорят: "Не родись красивой, а родись счастливой". Вот счастье мое и было всего полтора неполных годика. После зоны уже выходила замуж, но все не то. Первого мужа, как мы с ним жили, трудно забыть.

Вот Овчинников стал домогаться, в любви мне объяснялся, проходу не давал. И ласково и угрозами добивался меня. Говорил, что я под подозрением, что он специально это сделал, чтобы я согласилась быть его. "Никуда, - мол, - не денешься. Отдашь мне, или арестуем и расстреляем, чтобы другому мужчине не досталась". Ему жен-шины не отказывали, видный мужчина был, да и боялись его, он ведь принципов не имел. Юбку не пропустит, более-менее смазливую. Я ему отказывала, говорила, что замужем, что мужа люблю, а он: "Ну, это дело поправимое, мы это поправим, останешься без любимого своего, вдовой. И если со мной не будешь спать, то и тебя такая же судьба ждет". Мужа арестовали, а мог и не трогать его, если бы я поддалась ему, но тогда бы и семьи у нас не было. Не могла я. А Овчинников

любил меня, конечно по-своему, зверски как-то, это я потом поняла. В общем, проходу ни в НКВД, ни в городе от него не было.

Записки от мужа из тюрьмы, когда он под следствием был, Овчинников разрешил передавать мне, говорил, что вот, мол, видишь, я иду на уступки, а ты, мол, ломаешься. Ждал от меня ответные шаги, а мне - чем сильнее он приставал, тем противнее делался. Я его буквально возненавидела, а он от моих отказов в настоящее бешенство приходил, какие-то садистские черты в нем были.

Дошли до меня разговоры, что группу арестованных, в том числе и мужа, готовят к отправке, а куда - неизвестно. Чтобы встретиться с мужем, а я чувствовала, что эта встреча наша - последняя, я сказала Овчинникову, что, мол, подумаю, вроде, как надежду дала. А ему поставила условие, чтобы он разрешил нам свидание. На хитрость пошла. Он думал недолго. Сказал, что, мол, черт со мной, он не гордый, от меня, мол, не убудет, и дал целые сутки свидания, день назначил.

Я прическу сделала, платье помню, его (мужа) любимое, надела, еды сумку приготовила и пришла на свидание.

Овчинников местом свидания определил свой кабинет, приказал моего любимого, вроде, как на допрос к нему доставить. А когда конвой мужа привел, со словами: "Черт с вами, блядуйте тут", вышел и кабинет закрыл с той стороны ключом. Сутки нам дал целые. [...]

Через сутки пришел Овчинников, вызвал конвой. Мужа увели... Навсегда. После я узнала, что его почти сразу после нашего свидания и расстреляли. Да Овчинников и сказал мне об этом, а тогда стал приставать ко мне [...]

Отца к тому времени выгнали из партии за связь с "врагом народа", он тут вскоре в Томск уехал, место жительства искать, так, мол, шанс есть уцелеть, он же знал, как все это делается. В общем, в Томске жилье он подыскал, и мы не стали дожидаться этих трех дней и уехали с отцом, я даже на работе ничего не сказала и документально не уволилась, все мы сделали в большом секрете.

До этого я уже ездила в Томск, поступила в медицинский институт на 1 курс, затем в Прокопьевск вернулась, и вот теперь уехала совсем. В Томске стала ходить на лекции, учеба началась, жизнь вроде налаживаться стала, но вот 20 сентября по дороге в библиотеку столкнулась нос к носу с Овчинниковым, его за заслуги из Прокопьевска в Томск перевели, начальником Томского НКВД.

Со мной случилась настоящая истерика, все рассказала отцу вечером. Отец Овчинникова буквально ненавидел.

В 12 часов ночи за мной пришли. Меня взяли, хотя не прописана была. Вещи все описали, ордер на арест показали, выписан был. Помню, повезли когда и из дома выводили, то снег шел. Привезли на Ленина, 4225 ночью, в час ночи, поместили в камере, приставили одного конвоира. Из разговора с ним поняла, что арестовали меня по приказу Овчинникова. Ему позвонили, он приехал, завел меня в кабинет, конвоира отпустил и завел старую пластинку про любовь, и с угрозами стал приставать. Я плюнула ему в рожу и прыгнула в окно, даже не сообразив, какой это этаж. Мне все равно было, а окно было без решетки, и он его открыл, так как было душно и жарко. Я этим воспользовалась. Упала я мягко, даже не ушиблась, и скорее бежать от этого здания в сторону дома. Удивительно, но за мной никто не погнался.

Отдышалась, успокоилась, походила по Томску, думала, что дальше делать. Решила зайти домой, взять вещи и уехать из этого города, подальше от Овчинникова, куда глаза глядят. К дому подходила осторожно, ничего подозрительного не заметила, зашла домой, а там меня уже ждали.

В общем, опять доставили на Ленина, 42, второй раз за ночь. Овчинникова не было, позвонили ему опять, и, видно, по его распоряжению повезли в ИТК № 6 (колонию "Шестерку"). Она была в районе нынешнего "Сибмотора" и ГРЭС. Определили в барак и держали там до снега. Допрашивали в колонии, иногда на допрос водили в ГО НКВД.

Допрашивали про отца, ему готовили обвинение по ст. 58-10, антисоветские разговоры и агитация. Я запустила чернильницей в следователя и меня посадили в ШИЗО (штрафизолятор), затем опять в женский барак. Там у меня была подруга по фамилии Овсянникова. Кормили нас распаренной соей. Сказала, что соя - говно, Овсянникова стуканула (вот такая подруга), опять посадили в ШИЗО. Старостой у нас в бараке была Земсонова, тоже стучачка, стучала и Угрюмова, жена "высокого начальника". Вообще, по зоне, жены начальников себя нехорошо вели очень часто. [...]

Овчинников с какой-то комиссией приходил в лагерь, еще в "шестерку", меня там видел, рожу скривил брезгливую: "Теперь подохнешь, сука!". Больше меня не касался, но чувствовала, даже на допросах, что он меня пасет, наблюдает, что со мной будет. В лагере в бараке сидело 600-700 человек женщин. Большинство из интеллигентных семей. Медики, филологи и другие. [...]

По зоне помню хорошо одного человека. Мужик, по фамилии Васильковский. Когда посадили, почему не расстреляли, сколько отсидел, он, наверное, и сам уже не помнил. Бывший адмирал, здоровенный мужик, умница, благородный, огромного интеллектуального уровня, прекрасный

собеседник. Я с ним сдружилась, помогала ему, чем могла, но кусок хлеба, миска похлебки для него было очень мало. Это был когда-то физически очень развитый человек, очень высокий. Он "доходил", превращался в "доходягу", а у меня возможности тоже были не ахти какие. Умер он от истощения зимой. Когда его на санях по зоне закрытого куском ветоши везли, так ноги торчали из саней и бороздили по снегу. У него было 5 заповедей, им разработанных, дающих некоторую гарантию не попасть в тюрьму. Он с философским складом ума их в зоне разработал.

Вот они:

1. Не думай.
2. Если думаешь - не говори никому.
3. Если сказал - не пиши.
4. Если написал - не публикуй.
5. Если опубликовал - сразу же пиши опровержение. [...]

Да, когда Овчинникова арестовали в 1938 году, его посадили в камеру Томской тюрьмы, следствие по нему начали там. Он в камере вел себя очень буйно, хулиганил, никак не хотел примириться с арестом. Все стены исписал стихами, в большинстве своем антисоветского содержания. Это мне рассказали люди, которые после его отправки в Новосибирск убрали камеру, где он сидел. Стихи сцарапывали со стен скребками, и закрашивать пришлось потом. Сейчас как-то мне его даже, вроде бы, немного жаль.

Со слов Медведевой Л. И. записал Девянин С. А.